

В последующие дни работа Шэнь Инчжоу напоминала качели: то затишье, то безумная круговерть. В периоды авралов не оставалось времени даже на то, чтобы заказать доставку еды, зато в часы затишья можно было часами безнаказанно медитировать на экран компьютера — никто и слова не говорил.

Не успел он перевести дух после расслабленного понедельника, как во вторник на него обрушилась лавина новых задач. Объём оказался столь внушительным, что разгрести его не получалось, даже засиживаясь допоздна.

К вечеру четверга даже Чжоу Лэлэ заглянула к ним в кабинет и, оценив масштаб катастрофы, махнула рукой: мол, всё равно за сегодня не закончите, идите-ка спать, а завтра с утра устройте генеральное сражение. Шэнь Инчжоу с Цю Баофанем прекрасно понимали: если не расправиться со всеми делами в пятницу, выходные накроются медным тазом.

Сосед по столу, Цю Баофань, уже всю паковал вещи. Поразмыслив, Инчжоу решил не геройствовать в одиночку. Он выключил монитор и уехал вниз на одном из последних лифтов вместе с коллегами.

Выходя из офиса, Инчжоу сладко зевнул. Ночной город встретил его своим особым, ни на что не похожим дыханием. В темноте мерцали неоновые вывески, сливаясь в единый поток с красными рубинами автомобильных фар, а прохладный осенний ветер, ворвавшийся под куртку, мигом прогнал остатки сонливости.

В голове приятно шумело. Листва придорожных платанов тихонько шелестела под порывами ветра. Инчжоу мотнул головой, пытаясь стряхнуть странное оцепенение — на секунду ему показалось, будто весь мир перевернулся с ног на голову. Может, стоило заскочить куда-нибудь перекусить, а не тащиться домой с урчащим от голода желудком?

В конце концов он решил не усложнять и заглянул в круглосуточный минимаркет по пути. Купив онигири, Инчжоу примостился у панорамного окна на высоком стуле и принялся задумчиво жевать, созерцая проплывающие мимо машины и размышляя о превратностях судьбы.

В студенческие годы жизнь текла куда размереннее, без этой вечной спешки и давящего груза ответственности. Привыкнув к свободе и беззаботности, теперь он чувствовал себя не в своей тарелке. В душу закрались сомнения: а есть ли вообще перспективы у этой работы? И никакие уговоры о том, что это агентство самого Юнь Вана, не помогали заглушить этот тихий, но настойчивый голосок.

Настроение было на нуле. Инчжоу открыл галерею в телефоне и принялся лениво листать сохранённые фотографии Юнь Вана, но даже привычный лик кумира на этот раз не вызвал в груди прежней бури восторга.

Пятница пролетела в мыле. Инчжоу уже мысленно смирился с тем, что субботу и воскресенье придётся провести в душном офисе, как вдруг на рабочем компьютере требовательно звякнул

мессенджер. Писал Чжоу Ин.

Он сообщил, что праздничное видео ко дню рождения Юнь Вана наконец-то смонтировано. Ролик решили сначала показать активу фан-клуба, строго-настрого запретив сливать его в сеть раньше времени.

Инчжоу, разумеется, поклялся хранить молчание, и Чжоу Ин скинул ему файл. Видео длилось без малого двадцать минут.

На экране замелькали улыбающиеся лица фанатов из разных уголков страны. Каждому региональному представительству посвятили свой кусочек, а их городскому филиалу досталась самая почётная роль — закрывать праздничную открытку. Вот вся их дружная компания толпится вокруг огромного торта и поёт поздравительную песню. Сам Инчжоу промелькнул в кадре всего секунды на две, не больше, но даже этому короткому мгновению он искренне обрадовался.

Пересмотрев ролик ещё раз, Инчжоу нахмурился: среди толпы он так и не обнаружил Сань Дун Су. Удивившись, он тут же постучался в личку к Чжоу Ин.

Тот ответил не сразу — видать, был завален делами.

— А, ты про него? — написал он наконец. — Он же тогда приболел, кажется. Притащился в маску. Сказал, что раз уж лица всё равно не видно, то и светиться в кадре незачем. Вот и попросил его вырезать.

«Логично», — подумал Инчжоу. И всё же на душе остался лёгкий осадок сожаления. Всё-таки Юнь Ван наверняка посмотрит это поздравление, обидно упускать такой шанс.

Ведомый этим чувством, он открыл общий чат фан-клуба и принялся пролистывать список участников в поисках Сань Дун Су. Отыскав нужный ник, Инчжоу открыл окно личных сообщений, но пальцы замерли над клавиатурой. Он понятия не имел, с чего начать разговор.

Просидев перед монитором пару минут, он наконец выдал из себя простенькое:

— Привет! Ну как, простуда прошла?

Короткая фраза, в которой не набралось бы и десятка слов, удостоилась тщательной проверки — Инчжоу перечитывал её секунд сорок, прежде чем решился нажать «отправить». Ответ не приходил. Минуты шли, а чат безмолвствовал, словно брошенный в бездну камень, не издавший даже тихого всплеска.

«Наверное, занят», — рассудил он и не стал забивать себе голову.

Инчжоу снова черкнул пару хвалебных слов Чжоу Ин, отметив, как круто смотрится их финал. На что тот с гордостью отрезал: «Наш город всегда закрывает показы, это уже традиция!» Получив этот весомый ответ, он с чистой совестью выключил компьютер и потянулся за рюкзаком.

Внутри зашевелилась острая, почти детская тоска по Юнь Вану. Инчжоу безумно хотелось увидеть его вживую. Не на глянцевом экране смартфона, а по-настоящему, лицом к лицу, чтобы вновь ощутить тот мощный прилив сил, который дарило одно лишь присутствие кумира.

За те два с лишним месяца, что Инчжоу трудился в агентстве, Юнь Ван изредка навещался в главный офис, но в их скромный отдел планирования ни разу не заглянул. Возможно, именно эта досадная разлука и подтачивала его рабочий настрой. «Ну ничего, — подбодрил себя Инчжоу, — он же мой босс, в конце концов! Уж на новогоднем корпоративе мы точно пересечёмся!»

Дома было тихо. Ни отца, ни старшего брата ещё не было, и лишь мама, Чжу Цинцун, хлопотала у стола. Завидев уставшего сына, она тут же отправила его мыть руки и усадила ужинать.

Инчжоу послушно кивнул.

Заметив, каким измождённым выглядит сын, Чжу Цинцун подсела ближе и мягко спросила:

— Чжоу-чжоу, что-то стряслось на работе? На тебе лица нет.

«Неужели всё настолько заметно?» — подумал Инчжоу.

Он качнул головой и вымученно улыбнулся:

— Да нет, мам, просто устал. Навалилось всё разом, еле успеваю разгрести.

Чжу Цинцун почувствовала облегчение.

— Ну, милый, в начале пути всем тяжело, — ласково проговорила она. — Вспомни Шэнь Цзэсуна. Когда он только устроился в компанию, три ночи кряду глаз не смыкал. Домой пришёл — от рубашки за версту потом несло, смотреть жалко было.

Инчжоу неподдельно изумился.

В его представлении старший брат всегда был безупречным образцом корпоративного элитария — человеком, который даже после ядерного взрыва останется в идеально отглаженном костюме. Представить Шэнь Цзэсуна в столь непотребном виде казалось

решиительно невозможным.

Оказывается, и этот баловень судьбы когда-то набивал первые шишки. Впрочем, Инчжоу быстро сообразил, почему не помнит этого периода: как раз тогда он улетел учиться за границу и почти не созванивался с семьёй.

— Понимаю... — тихо ответил Инчжоу. — Ничего, втянусь потихоньку.

Чжу Цинцун ласково посмотрела на него. Она чувствовала молчаливую гордость — уверенность в том, что её младший сын обязательно добьётся успеха.

— Вот и славно. Ешь давай и ложись сегодня пораньше.

Спорить с матерью Инчжоу не стал — он вообще редко перечил родителям, предпочитая соглашаться и сглаживать углы.

Покончив с ужином, он немного посидел с ней перед телевизором, вяло прислушиваясь к диктору вечерних новостей. Видя, что сын клюёт носом и откровенно изнывает от тоски, Чжу Цинцун шутливо отправила его наверх спать.

Оказавшись в своей комнате, Инчжоу включил ноутбук, бесцельно пролистал пару страниц в браузере и уже собирался выключить питание — в конце концов, завтра ждал очередной бой на трудовом фронте, — как вдруг на экране весело замигал значок нового сообщения. Инчжоу присмотрелся: ему писал Сань Дун Су.

— Уже поправился, спасибо за заботу. Что-то случилось?

Инчжоу не ожидал столь позднего ответа и на мгновение завис над клавиатурой, прежде чем быстро набрать:

— Ого, привет! Ты только с работы?

Сань Дун Су: Если бы. Ещё сижу.

Свет Инчжоу: Обалдеть... В такой час и всё ещё на работе? Сочувствую, это же адский труд.

Сань Дун Су: Обычное дело, привык уже.

Инчжоу уставился на строчку чата. Ему показалось, что где-то он это уже слышал. Ну конечно — он сам буквально пару часов назад бросил маме точно такую же фразу. От этого совпадения на душе стало чуточку теплее.

Свет Инчжоу: Всё равно береги себя. Не хватало ещё снова простудиться, как в прошлый раз.

Сань Дун Су: Да ладно тебе, та простуда сошла на нет уже через пару дней после нашей встречи. Сам-то ты как? Как дела?

Свет Инчжоу: Да катится потихоньку... Устаю только жутко.

Свет Инчжоу: Ой, прости, не хотел грузить тебя своим нытьём.

Сань Дун Су: Брось, мне даже приятно, что в такие минуты ты решил поделиться именно со мной. Правда.

Эти простые слова отозвались в груди Инчжоу мягким теплом. Не то чтобы он растрогался до слёз, но внезапно осознал: этот малознакомый человек из сети умудряется понимать его лучше многих близких. Захотелось открыться ему, выплеснуть всё, что так долго копилось внутри.

Собеседник, похоже, обладал поразительной чуткостью — он уловил его подавленность даже через сухие строчки мессенджера. Когда Сань Дун Су мягко расспросил, что именно его гложет, Инчжоу больше не стал сдерживаться. Плотину прорвало, и он выложил всё, что лежало тяжёлым грузом на душе.

Свет Инчжоу: Понимаешь... Иногда мне кажется, что я устроился сюда просто по инерции. Потому что закончил этот факультет и надо было куда-то приткнуться. Зачем всё это — сам не знаю.

Сань Дун Су: Тебе не нравится то, чем ты занимаешься?

Свет Инчжоу: Да нет же! В том-то и дело, что обожаю!

Сань Дун Су: Значит, дело в другом. Ты шёл во взрослую жизнь с горящими глазами и багажом знаний, а реальность окатила тебя ушатом холодной воды. Оказалось, что твои таланты здесь никому не нужны, инициатива тонет в рутине, а жёсткие рамки офиса душат любые творческие порывы. И теперь ты барахтаешься в пустоте, пытаешься нащупать прежние идеалы, и думаешь: «Какого чёрта я трачу жизнь на этот бессмысленный механический труд?» Угадал?

Инчжоу со стоном уронил голову на руки. Попадание было стопроцентным. Сань Дун Су разложил по полочкам всё то смутное, гнетущее чувство, которое сам Инчжоу никак не мог сформулировать.

— Да... — выдавил Инчжоу вслух. Признаваться в собственной слабости было неловко, но лгать этому человеку почему-то совсем не хотелось.

Свет Инчжоу: Да, всё именно так.

Сань Дун Су: Ну, не переживай ты так. Ты ведь только начинаешь свой путь, верно? Для новичков это абсолютно нормально. Когда я сам только пришёл в профессию, меня штормило ничуть не меньше.

Свет Инчжоу: И как ты с этим справился?

Сань Дун Су: Как-как... Просто терпел и шёл напролом, пока не отпустило. Тут ведь вот какое дело: важно чётко осознавать, к чему именно ты стремишься. Если говорить высокими словами — иметь мечту. Раз тебе нравится твоя специальность, почему бы не продолжать двигаться в этом направлении? Другой вопрос — вдруг ты изначально выбрал не ту стезю и на самом деле душа к этому не лежит? Ты ведь не думаешь так?

Инчжоу действительно задумался, прислушиваясь к внутреннему голосу. Но сомнений не было.

— Нет, — твёрдо ответил он пустому экрану и быстро набрал: — Специальность я выбрал правильно. Она мне действительно дорога.

Сань Дун Су: Ну вот видишь. Значит, и сомневаться не в чем. Всё, что ты сейчас чувствуешь, — это просто адаптация. Ты приспосабливаешься к новым условиям.

Сань Дун Су: Помню, на первых порах я изводил себя теми же мыслями. Всё метался, думал, моё ли это вообще. Сперва задач было немного, но казалось, что я застрял в мёртвой петле и перспектив никаких. Потом навалилась уйма работы, день и ночь на ногах, а ощущение тупика никуда не делось. Я всё допытывался у себя: ради чего я так надрываюсь? Правильный ли это путь?

Инчжоу не перебивал, затаив дыхание глядя на строчку «Печатает...» под именем собеседника.

Сань Дун Су: Не сочти за старческое брюзжание, но через этот кризис самоопределения проходит абсолютно каждый. Когда ты перешагнёшь этот рубеж, оглянись назад и поймёшь, какими пустяками были все эти страхи. Главное — не рубить с плеча. Бросить всё, уволиться или сменить профессию под влиянием момента — проще всего, но это было бы слишком глупо и опрометчиво.

Инчжоу почувствовал, как к щекам прилила горячая краска. До мыслей об увольнении дело, положим, ещё не дошло, но зерно сомнения в его душе действительно успело пустить первые ростки. Слова Сань Дун Су заставили его устыдиться собственной минутной слабости.

Он сделал глоток тёплого чая и ещё раз перечитал длинное сообщение на экране. С каждым

словом он соглашался всё больше.

Свет Инчжоу: Знаешь, твои слова прямо-таки открыли мне глаза. Ты чертовски прав. Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть к этой колее.

Сань Дун Су: Рад, что ты меня услышал. Это самое главное.

Свет Инчжоу: Спасибо тебе огромное. И прости, что украл у тебя столько времени посреди ночи.

Сань Дун Су: О чём разговор! Мне действительно приятно, что в трудную минуту ты решил довериться именно мне. Без шуток.

Было видно, что беседа доставила удовольствие обоим. Обменявшись ещё парой дежурных реплик, они тепло попрощались.

Закрыв крышку ноутбука, Инчжоу наконец-то почувствовал лёгкость. Тягостное облако сомнений, висевшее над ним последние дни, бесследно рассеялось. Стоило его голове коснуться подушки, как он мгновенно провалился в глубокий, целительный сон без сновидений.

Одно можно было сказать наверняка: знай он тогда, что все эти мудрые речи об идеалах и жизненном пути принадлежали самому Юнь Вану, сна бы у него этой ночью не было ни в одном глазу.

Впрочем, Инчжоу даже не догадывался и о другом: Юнь Ван, внезапно осознавший, что его любимый ассистент всерьёз колеблется и подумывает об увольнении, действительно провёл ту ночь без сна, мрачно уставившись в потолок.

<http://bllate.org/book/18253/1758320>